
Предупреждения «Петропольского Тацита». Которым никто не внял

[Юрий ПОГОДА \(Украина\)](#) - 09 октября 2016

Body

История и наследие

Литературоведение

Предупреждения «Петропольского Тацита».

Которым никто не внял

К 50-летию выхода книги Николая Ульянова «Происхождение украинского сепаратизма»

Иллюстрация 1: На открытии – портрет Николая Ивановича Ульянова

Пятьдесят лет тому назад – что примечательного в мире тогда произошло? Коли навскидку, так вроде бы и ничего... Но это, конечно же, не так.

В том году как-то необычайно часто падали самолёты. Один Ил-14 потерпел катастрофу на Камчатке, другой, такой же, – под Баку, ещё один – близ Печоры. Упал Ту-134 под Чкаловским. Произошли катастрофы с Ан-8 в Лахте, с Ту-114 в Шереметьеве, с Ан-24 - под Каиром и с Let L-200 под Новороссийском. Сразу три Ил-18 погибли - в Архангельске, Алма-Ате и под Братиславой. Сверхнадёжный Ан-2, и тот умудрились как-то разбить под Батуми.

Падали самолёты не только у нас: «у них» с этим делом обстояло ещё хуже. Открыл список авиакатастроф Дуглас С-54, упавший в Картахене. Вслед за ним бомбардировщик В-52, с термоядерным оружием на борту, столкнулся над Испанией с самолётом-заправщиком. Бомбы искали целых два месяца, держа мир в сильнейшей тревоге. Тем временем на Монблане разбился пассажирский Boeing 707, потом, под Токио, - Boeing 727 (крупнейшая на тот момент авиакатастрофа, забравшая 133 жизни). Там же, в Токио, месяц спустя разбивается ещё один пассажирский гигант - «американец» DC-8. Boeing 707 падает на Фудзи; «Дуглас» DC-6 - у Афинам; Lockheed'ы - L-188 Electra и L-749 рухнули, соответственно, в Ардморе (штат Оклахома), и под Лимой (Перу); «британец» BAC 1-11 - под Фолс-Сити (штат Небраска). Канадский CL-44 терпит сокрушительную аварию 24 декабря в Дананге (Вьетнам)...

Мы, Советский Союз, в этом году активно строили – как у себя, так и по всему миру (в частности, возводя металлургический комбинат в Египте). США столь же энергично разрушали: бомбя Вьетнам напалмовыми бомбами, развязав, помимо этого, ещё и так называемую Вторую Корейскую войну, не утихавшую затем три года. Мы основали в том году целый новый город – Стрежевой (Томская область). Американцы – 30 апреля - Церковь Сатаны. Её фундатор Антон Шандор Лавей объявил тот год I годом Века Сатаны, и, соответственно, началом сатанинской эры. Начал проводить обряды: сатанинского «крещения», сатанинских похорон. Так к своему «отцу» (по принадлежности) в числе первых был отправлен офицер ВМС США Эдвард Олсен, награждённый медалью за отвагу.

Ихней медалью. За ихнюю «отвагу».

Мировые державы далее осваивали космос. Мы отправили во Вселенную первую в мире АМС «Луна-9», которая села на поверхность Луны и передала на Землю, впервые, панорамы её ландшафта. Американцы всё посылали на околоземную орбиту свои челноки «Джемини», от номера 8 по 12-й. Далее отрываться пока не решались.

В качестве прочих видов соревнований по международному, скажем так, многоборью, мы решительно победили «их» в том году, совершив, впервые в мире, без всплытия в надводное положение, кругосветное плавание отряда атомных подводных лодок ВМФ СССР.

Мир, в целом, крепко штормило. Дважды за год случились военные перевороты в Нигерии. Восьмой, по счёту, произошёл в Сирии. Насильственная смена власти произошла также в Гане и Аргентине. А неудавшиеся такого рода попытки были предприняты в Лаосе и Судане.

Из очень примечательного стоит назвать создание Международного Трибунала по расследованию военных преступлений США. Почётным его Президентом стал Бертран Рассел, Президентом – Жан-Поль Сартр. В состав высокого суда вошли известнейшие писатели, философы, публицисты, историки: Гюнтер Андерс, Джеймс Болдуин, Симона де Бовуар, Сара Лидман, Петер Вайс, Исаак Дойчер, Владимир Дедьер, а также целая плеяда юристов, дипломатов, общественных деятелей мирового уровня. Год спустя, 10 мая 1967 года, Трибунал озвучил свой первый вердикт: «Действия США подпадают под статью... Нюрнбергского трибунала и подлежат юрисдикции международного права... Южная Корея, Австралия и Новая Зеландия стали соучастниками этого преступления... Действия США во Вьетнаме должны быть квалифицированы в целом как преступление против человечества...». Так США впервые, на законных основаниях, были признаны преступным государством. Было доказано: «Штаты» содейали во Вьетнаме преступления, равные по тяжести совершённым нацистской Германией.

Из радостных событий помнится то, что Британская Гвиана, которая стала называться Гайаной, и британский протекторат Басутоленд, принявший новое название Королевство Лесото, избавились наконец-то от удушливых объятий английской короны. Были и утраты: «у них» умер художник-мультипликатор и кинорежиссёр Уолт Дисней. Мы потеряли в тот год Анну Андреевну Ахматову...

За столь насыщенной палитрой сенсаций, инцидентов, явлений и происшествий, занимавших первые строчки мировых таблоидов, кому бы и в голову пришло уследить за событием, сейчас интересующим нас более прочих: что в захолустье Европы, в Мадриде, в небольшой типографии на улице Mesón de Paños, 6, вышла книга с непритязательным, на первый взгляд, названием: «Происхождение украинского сепаратизма». Томик стандартного формата, близкого к нынешнему А5. Каких-то 286 страниц текста, поданного в необычной орфографии: похожей на дореволюционную, с «і» и «ятями», но без «еров» в конце слова, и «фит» тоже. Любопытно, что точно в такой орфографии главы из этой книги были опубликованы годом ранее в парижском журнале «Возрождение».

На титульном листе было проставлено как бы место публикации: «Нью Йорк». Копирайт прямо указывал на правообладателя: «bi Nicholas Oulianoff», и место его проживания: «New Haven, Conn. U.S.A». Где печаталось, впрочем, тоже не скрывалось: «Printed in Spain».

Иллюстрация 2: Титульный лист первого издания книги Н. Ульянова «Происхождение украинского сепаратизма»

Сказать по чести, попади эта книга, сразу же по выходу в свет, в СССР (для жителей которой она и была адресована в первую очередь), вряд ли кто вообще обратил бы на неё тогда серьёзное внимание. Нас занимали совершенно другие вещи: колонизация космоса («И на Марсе будут яблони цвести...»), завораживали ритмы великихстроек, увлекала романтика: в геологи, что ли, пойти? Физиком стать – или записаться в лирики? И чем таким, в свете подобных призывов и дилемм, выделась эта пещерная дикость: какой-то непонятный, допотопный украинский сепаратизм...

Но книгу Николая Ульянова, представьте себе, сразу же заметили. Очень вскоре после опубликования она полностью исчезла с книжных прилавков. Случилось необычное: как правило, подобные книги продаются долгие годы. Позже выяснилось: почти весь тираж был скуплен некими заинтересованными лицами, и уничтожен. Стало быть, она была признана и актуальной, и глубокой. Следовательно, для кое-кого весьма опасной.

А к нам она пришла спустя ровно 30 лет после первой публикации, в 1996 году (издательство «Индрик»). Тоже, стало быть, нынче юбилей. Предмет её рассмотрения уже тогда не выглядел анахронизмом. Книга была не просто прочтена, но и признана классической. По ней возникла масса научных статей, рецензий; были защищены первые диссертации. Появились апологеты творчества автора её. Составлена елико возможно полная библиография его трудов, и статей о нём, включающая 755 наименований! И вот смотрите, как оно всё обернулось: самолёты, упавшие тогда, забыты; редким позором закончилась война США во Вьетнаме..., и её тоже стараются «забыть», «зарастить бьельём». Как и полученную тогда судимость «самой демократической страны в мире». А отдававшая, на момент выхода в свет, устарелостью, сама казавшаяся анахронизмом, книжка оказалась куда как актуальной в наши дни. А ведь это явный признак гениальности автора – «стрелять» в цель, которую видит он один.

С него самого, следовательно, и начнём.

Ребёнок в семье Ульяновых появился на свет 23 декабря 1904 года, в деревне Ганежа Осминской волости Гдовского уезда Санкт-Петербургской губернии. В этот день православная церковь чтит мучеников, иже во Крите: «десятерых славнейших мужей», истерзанных правителем острова, игемоном Декием в III веке. «Они предстали перед мучителем, - и каких только смелых речей не высказали они, какого мужества ни показали, каких только мучений не испытали, каких мук ни победили своим терпением! - написано в «Житиях святых». Святые мученики, как сообщает писание, «пренебрегли всеми муками». Тогда «усердный слуга сатаны Декий» (так называет его летописец), «отчаявшись в возможности убедить их и принудить принести жертву, произнёс над ними смертный приговор»: усечь их главы мечом. На месте казни, именуемом Алонием, мученики воспели общую песнь к Богу: «Благословен Господь, Который не дал нас в добычу зубам их! Душа наша избавилась, как птица, из сети ловящих» (Пс.123:6-7).

А назвали новорожденного Николаем: скорее всего, не в честь святителя, чудотворца и угодника Божия, но преподобного Николая монаха, память которому творит Церковь на следующий день от его рождения, в канун навечерия Рождества Христова. Был он военачальником византийского императора Никифора I, правившего в самом начале IX века. После сражения, в котором погибли все соратники преподобного, блаженный Николай оставил мир, удалился в монастырь, принял схиму и стал непрестанно молиться о воинах, павших в сражениях. «Своими великими подвигами он так угодил Господу, что был удостоен дара прозорливости», - сообщает православный церковный календарь.

Выясним заодно уж и этимологию названия той деревни. Оно совершенно не характерно для русского языка. Зато занимает весьма почётное место в санскрите, родственном

русскому. В нём Ганеш (не забудем о свободном чередовании шипящих) - божество с головой слона, убирающее все преграды для каждого, кто попросит его о помощи. Это индусский бог преуспевания и мудрости, первое божество, с которым можно было вступить в контакт во время чтения молитв. «Он также помогает с сочинительством и художественными проектами», - заявляет источник. И ему есть тысяча других имён; Ганеш - просто одно из них, но главное.

По факту рождения Николай Ульянов был крестьянский сын. Да вот только время появления его на свет оказалось не вполне удачным с точки зрения «сохранения вековых традиций»: под воздействием внешних факторов земледельческая община давала трещины, рушилась. Петербуржцем в первом поколении стал его отец, ушедший в столицу и приобретший специальность слесаря-водопроводчика. Затем в город перебралась и мать, зарабатывавшая на жизнь до революции прислугой у частных лиц, а после неё - уборщицей в школах и рабочих клубах.

Тою же рабочей стезёю отправился в мир широкий и их сын. Окончил начальную городскую школу, затем Высшее начальное городское училище (после революции преобразованное в Единую трудовую школу), и дополнительный двухлетний курс обучения при ней для особо одарённых. Надо ли говорить, что Николай Ульянов попал в их число? Весь школьный цикл завершил он в 1922 году, взяв от него всё возможное.

Учась, ему параллельно приходилось подрабатывать - сначала подручным водопроводчика, позднее, уже в университете - давая частные уроки. Дело в том, что отца Николай потерял в 14-летнем возрасте, и заработанная ним «копейка» имела весьма существенное значение для бюджета семьи.

Что-то университета, то следует напомнить: престиж высшей школы был резко снижен после революции 1917 года. В этом роковом году историко-филологическое отделение Петроградского университета окончили 365 человек, годом позже - 132, ещё через год - 12, а в 1920 году - лишь 8. Пойти за приобретением высшего образования было тогда в известной мере «заплывом против течения». Тем не менее, Ульянов избирает для себя именно эту стезю: тернистый путь историка. А неисчерпаемая внутренняя энергия приводит его ещё и на курсы сценического мастерства, затем в Институт ритма совершенного движения, потом на Курсы мастерства сценических постановок - «первые в мире режиссерские курсы». Практику Ульянов проходил в Мариинском театре. Но здесь не сложилось: юношу оттолкнула от театрального мира закулисная его атмосфера. Отметим и это обстоятельство - как чрезвычайно важное в деле самовоспитания его души. Кривить ею он не будет нигде и никогда.

Драматургический, скажем так, этап его, Николая Ульянова, развития отнюдь был не случайным. «Театральное мировосприятие» есть устоявшееся смысловое понятие. Благодаря ему развивается острая чувствительность, способность к фрагментации (выделению) главных событий и явлений, и дефрагментации (отбрасыванию лишнего); учит собиранию образа, выстраиванию внешних и внутренних связей. Шекспировского «весь мир - театр, а люди в нём - актеры» никто ещё пока не отменял.

Невзирая на все «революционные утраты»: кто в эмиграцию, кто под репрессии, а то и на расстрел), отечественная высшая школа была всё ещё богата той, имперского закваса профессурой, способной извлекать из студенческой массы штучный товар мирового уровня. Ульянова заметил, приблизил и сделал своим учеником (последним в его долгой научно-педагогической карьере) академик С.Ф. Платонов. Сергей Фёдорович, в свою очередь, являлся воспитанником профессора К.Н. Бестужева-Рюмина, а тот - Т.Н. Грановского, К.Д. Кавелина, С.М. Соловьева, которых обучали Н. В. Станкевич, М. П. Погодин, - а это уже карамзинская эпоха, золотой век не только Русской литературы, но и Русской истории тоже.

Иллюстрация 3: профессора Т.Н. Грановский, К.Д. Кавелин, М. П. Погодин и С.М. Соловьёв, учителя академика С.Ф Платонова (слева направо и сверху вниз).

Сергей Фёдорович, как один из наиболее талантливых университетских профессоров, был приглашён, в середине 1890-х, в качестве преподавателя русской истории к великим князьям Михаилу Александровичу, Дмитрию Павловичу, Андрею Владимировичу и великой княгине Ольге Александровне. «Октябрьскую революцию» не принял, отнёсся к ней резко отрицательно, посчитав случайной и «ни с какой точки зрения не подготовленной». Но остался в стране, найдя своё место в работе по спасению петроградских архивов, библиотек и преподавательской деятельности.

Выбор ним своего лучшего ученика оказался на редкость удачным. Предложенная тема дипломной работы: «Влияние иностранного капитала на колонизацию Русского Севера в XVI-XVII вв.» была раскрыта столь блестяще, что удостоилась высшей оценки руководителя: «Считаю работу выдающейся», - отметил Сергей Фёдорович в своём отзыве. «Более того, - пишет исследователь В. Э. Багдасарян, - на "Неделе русских историков", организованной в Берлине в 1928 г., в докладе "Проблемы Русского Севера в новейшей историографии", он выделил данную работу Ульянова в общем ряду с трудами А.Я. Ефименко, М.М. Богословского, Б.Д. Грекова, А.А. Кизеветтера, С.В. Бахрушина, С.В. Рождественского и др., хотя она являлась всего лишь выпускным дипломом». И здесь добавим своё краткое резюме: глубина, то есть исчерпывающее исследование темы, авторитетность и основательность - вот то, что отличало все работы Н.И. Ульянова, за которые он когда-либо брался.

Иллюстрация 4: Академик С.Ф Платонов, учитель Николая Ивановича Ульянова

После окончания Ульяновым университета в 1927 г. он, по совету своего учителя, поступил в аспирантуру. Увы, не на воспитавшей его кафедре: уход Платонова и некие прочие привнесённые обстоятельства предопределили переезд молодого учёного в Москву, и поступление в РАНИОН, куда он и был зачислен 14 октября 1927 года. Кипучая энергия Николая Ивановича находит выход в написании, в этот период, ним ряда научных работ, на доклад по одной из которых сохранился отзыв ведущего семинара известного историка В.И. Невского: «Прекрасный доклад. Обнаружил умение разбираться в большом материале... Будущий ученый - несомненно».

Кроме того, в РАНИОН аспирант Ульянов состоял секретарем всей секции русской истории и секретарем комиссии по изучению эпохи торгового капитализма в России. А помимо этого, выполнял и общественную работу: руководил кружком текущей политики на шелковой фабрике «Красная Роза», состоял председателем комиссии по изучению быта рабочей молодежи, работал в качестве секретаря редакции стенгазеты Института истории. «Всё предвещало стремительную карьеру», - отмечают биографы историка.

Развернувшаяся вскоре травля Платонова и взятие его яркого ученика «под персональное наблюдение» одним из организаторов этих преследователей, С.А. Пионтковским ("гнусная личность, сексот и доносчик",- писали о нём), тем не менее, не повлекли репрессий. Ульянов крайне востребован. Его, как уже признанного специалиста по русскому Северу, командировали в в Архангельский пединститут, где он плодотворно работает с 1930-го по 1933 год. Написанные в это время, и вышедшие из печати в 1932 году его «Очерки истории Коми-Зырян» влекут за собой присвоение автору кандидатской степени без формальной защиты диссертации. По возвращению в Ленинград учёный назначается доцентом по кафедре истории СССР Ленинградского института истории, философии, литературы и лингвистики (ЛИФЛИ). Здесь же, в ЛИФЛИ, он получает вскоре профессорскую кафедру, а помимо того становится учёным специалистом Института истории АН СССР. Пишет ряд научных работ, за изданием которых просто не поспевает печатный станок, и которые он сам пытался издать собственными средствами с помощью

стеклографа. Увы, большинство их сгнуло бесследно при аресте: они были изъяты и уничтожены, известны лишь из названия: «Феодализм в Древней Руси», «Московское государство в XVI веке», «Феодальная Русь и усиление Москвы», «Самодержавие XVII века и петровские "реформы"»... Как знать: быть может, и в этом был некий глубинный смысл (что они, эти работы, растворились во времени) – ведь писались они под знаком несвободы. Ульянов по прошествии лет сам отмечал: «Захваченные с детства величайшим в истории вихрем, росшие в условиях, которых ни прежняя русская, ни любая из современных западных интеллигенций не знала, мы достигли зрелого возраста в такое время, когда в анкетах не существовало больше рубрики о "сочувствии" советской власти. Создавалась "служилая интеллигенция", жившая не под знаком "убеждений или мировоззрения", а под знаком тягла. Её уже не спрашивали "како веруеши", а смотрели, так ли она пишет, как надо».

В целом вполне лояльный к советской власти (с 1925 года комсомолец, при назначении на кафедру – кандидат в члены партии), он, Ульянов, тем не менее, позволил себе высказать некоторые критические взгляды на партийную политику в исторической науке. Сделано это было в статье «Советский исторический фронт», обнародованной всего-то в институтской стенгазете 7 ноября 1935 г. Чего оказалось вполне достаточным для возбуждения против него «дела» по обвинению в «контрреволюционной троцкистской деятельности».

Легко сегодня говорить о глупости и бессмысленности подобного обвинения. Но на тот момент, когда до окончательного решения «бронштейновского вопроса», осуществлённого 20 августа 1940 года Рамоном Меркадером, оставалось почти целых пять лет; когда Лейба Давидович, пребывая в своём мексиканском далеке, оканчивал книгу «Преданная революция», создавал свой альтернативный Социнтерну и Коминтерну «Четвёртый интернационал», призывал к насильственному свержению существующей в СССР власти - обвинение было весьма серьёзным.

Следствие, тем не менее, растянулось более чем на полгода. В этот период произошло одно из важнейших событий: Ульянов встретил наконец-то свою настоящую «судьбу» - женился на Н. Н. Калнишь, выпускнице Московского I-го медицинского института (первый брак его, в годы аспирантуры, оказался неудачным и недолговечным). В отличие от той, бывшей, Надежда Николаевна оказалась поистине верным и надёжным другом и соратником. Вместе они прошли сквозь такие испытания, что иным, как говорится, и не снилось...

Вскоре после свадьбы, 2 июня 1936 г., Ульянов был арестован. Приговор ему объявили в середине октября 1936 г.: 5 лет заключения в ИТЛ. Для отбытия наказания он был направлен Белбалтлаг – исправительно-трудовой лагерь, основной задачей которого было строительство и обслуживание Беломоро-Балтийского канала. Выжить в постигнувшей его беде помогла природная сметка мастерового человека. Не библиотекарем, нарядчиком или фельдшером при больничке (обычный путь спасения интеллигента, как мы знаем по воспоминаниям Варлама Шаламова, Льва Разгона, Александра Солженицына), но освоением востребованной профессии сварщика - которая и впоследствии выручит его ещё не раз, - сохранился он.

С Запада, спустя некоторое время, повеяло войной. И часть лагерников рассосредоточили подальше от враждебной Финляндии – кого на Новую Землю, кого в Норильск. Здесь Ульянов подал ходатайство к властям о пересмотре своего дела. Увы, оно оказалось «звонковым»: в пересмотре было отказано, на свободу Николай Иванович вышел день в день ареста, 2 июня 1941 года.

Путь домой оказался долгим и трудным.... За три недели ему удалось доехать лишь до Ульяновска, где и застало его известие о начале Великой Отечественной. Тут пришлось

задержаться. На жизнь зарабатывал в качестве ломового извозчика. Был мобилизован на строительство оборонительных сооружений на подступах к Москве, и под Вязьмой. Угодил в немецкий плен и оказался в Дорогобужском концентрационном лагере. Бежал. Пройдя пешком более 600 км по немецким тылам, добрался до пригорода Ленинграда, города Пушкин. Там разыскал супругу. Вместе с ней перебрался под Гдов, на родину. Надежда Николаевна пользовала местное население; за мзду крестьян, благодаривших врача, они и жили. Сам Ульянов найти себе занятие по своим специальностям не смог. Коротал время, создавая поэтический сборник, записывая сохранившиеся в памяти стихи русских классиков. И начал работу над своим историческим романом «Атосса» - о войне персидского царя Дария I Великого, в которой этот властитель полумира потерпел жестокое поражение от никогда не знавших больших военных неудач, никем никогда не покорённых предков наших скифов. Думы историка-патриота, как видим, были созвучны мыслям абсолютного большинства русских людей. Ведь аналогия более чем прозрачна: в гитлеровском нашествии на свою Родину он увидел подобное же варварское вторжение, имевшее место быть 25 веков тому назад, и окончившееся для Дария бесславно.

Роман этот терпеливо вынашивался Ульяновым и дальше: в немецкой неволе, американском плену, вынужденной эмиграции в Африку. А свет впервые увидел в парижском журнале «Возрождение» в 1950-м и последующих годах (в виде отдельных глав); полностью опубликован в Нью-Йорке, в издательстве имени Чехова, в 1952-м. К нам же он пришёл лишь сорок с лишним лет спустя, в 1993-м (Москва, изд-во «Дрофа»); массово его издала год спустя «Роман-газета»... Но вернёмся к последовательной хронологии событий.

Иллюстрация 5: роман Н.И. Ульянова «Атосса» (обложка «Роман-газеты»)

Долго отсиживаться в глуши Ульяновым не удалось. В качестве остарбайтеров супруги были принудительно вывезены осенью 1943 года в Германию. Сначала помещены в Durchgangslager (транзитный лагерь в Дахау), а оттуда распределены в Карлсфельд, пригород Мюнхена. Николая Ивановича поставили работать сварщиком на заводе Bayerische Motoren Werke («Баварские моторные заводы», сокращённо BMW) – компании, «сконцентрировавшейся исключительно на производстве самолётов и мотоциклов, не претендуя на что-либо иное, кроме как быть поставщиком военных машин для нацистов», - уточняет авторитетное издание. Надежда Николаевна принуждена была трудиться в лагерьном госпитале.

Карлсфельд после поражения Германии оказался в американской зоне оккупации. Снова лагерь, теперь уже для ди-пи («перемещённых лиц»), и мучительное ожидание – как именно разрешится их судьба? Ведь в соответствии рядом подписанных союзниками документов, всем остарбайтерам, независимо от их желания, надлежало вернуться на Родину. А здесь Ульяновым, безусловно, всё бы припомнили: ему – и прежнюю судимость, и работу (даром, что подневольную) на военных заводах, ей – медицинское обслуживание узников лагеря, которое тоже можно было трактовать как сотрудничество с нацистами. В итоге двухлетнего (!) пребывания, что называется, между землёй и небом, супругам удалось по каналам ИРО (Международной организации по делам беженцев) нелегально бежать из Германии в Марокко. Таких, как они, бывших граждан СССР, осело тогда под Касабланкой 355 человек. Жилища их составили целый посёлок. А на работу Ульянов устроился на завод металлических конструкций «Schwartz Haumont», опять-таки сварщиком.

Здесь, в этом крупнейшем городе Марокко, древней Анфае, Николай Иванович сразу же возвращается к научной деятельности. Статус страны пребывания, как колонии, облегчает ему установление связей со столицей метрополии, Парижем. В среде интеллектуалов-эмигрантов первой волны он знакомится с великолепным историком и философом М.А. Алдановым (переросшее во многолетнюю сердечную дружбу), Н.Н.

Берберовой, В.В. Вейдле, В.К. Зайцевым, Г.В. Ивановым, Н.О. Лосским, И.В. Одоевцевой, Н.М. Херасковым, С.П. Мельгуновым. Последний особенно много помог ему: сначала укрыться в Марокко, потом обеспечил возможностью публиковаться – то есть вернуться в научное сообщество.

Весьма примечательно, что уже первая научная статья Н.И. Ульянова, обнародованная в 1948 г., была озаглавлена «К национальному вопросу». А вслед ей, тогда же, была напечатана ещё одна, по той же теме, но более адресная: «Украинцы и псевдоукраинцы». Как бы в развитие данного направления годом позже появляются статьи «Зеркало украинского национализма» и «Казакиада». Затем – «Происхождение украинцев и великоруссов в свете сепаратистской «науки» (1952 г.), «Богдан Хмельницкий» и «Русь - Малороссия - Украина» (1953). Всего же статей на «украинскую тему», включая вариации, было написано Ульяновым несколько десятков.

На 1953 годе есть смысл остановиться особо. Именно тогда, учитывая уровень публикаций, на которые обратили внимание советологи, а также тесное общение с С. П. Мельгуновым, ярим антикоммунистом, Ульянов был приглашён Американским комитетом по борьбе с большевизмом на должность главного редактора русского отдела радиостанции «Освобождение» (ныне перелицованной в «Свобода»). Трёх месяцев ему вполне хватило, чтобы досконально разобраться в том, что данное убудочное порождение ЦРУ имело не столько антисоветскую, сколько антирусскую направленность. И он ушёл с высокооплачиваемой работы, громко хлопнув при этом дверью.

Тогда же Ульяновы переезжают в Канаду. Содействие в бытовом и научном обустройстве Николаю Ивановичу оказал замечательный, весьма авторитетный в Америке учёный, профессор Г.В. Вернадский. По его референциям Ульянов сначала начал читать в Монреальском университете курс лекций по истории русской революции, а год спустя, после ухода Георгия Владимировича в отставку с преподавательской деятельности, опять-таки по его рекомендациям, стал преподавателем по русской истории и литературе в Йельском университете (Нью-Хейвен, штат Коннектикут). Где и проработал 17 лет до своего выхода на пенсию в 1973 году.

Духовная и научная связь между этими двумя мощными умами, историками и философами, несомненна и весьма глубока. «Украинская» тема ведь тоже «вечно» бредила душу Вернадского. Имея достаточно сложную национальную идентичность, полагая себя «украинцем и русским одновременно» (и в то же время советуя отцу отречься от украинских корней, нигде не показывать такую принадлежность – имея в виду формы и методы проводившейся на его родине насильственной «украинизации»), он постоянно обращался к данной тематике, о чём свидетельствуют такие его работы, как «Киевский и казацкий периоды истории Украины», «Князь Трубецкой и украинский вопрос», монографии о малороссийских историках Николае Костомарове, Владимире Антоновиче, Михаиле Драгоманове, Дмитрие Багалие. Впоследствии те же личности, в особенности Драгоманов, будут гораздо более тщательно и глубоко исследованы и Николаем Ульяновым в его публикациях.

Спектр научных интересов Николая Ульянова, как историка, был очень широк и отнюдь не замыкался на пресловутом «украинском вопросе». Приведём названия лишь нескольких его работ, опять-таки в порядке хронологии. Это исследования о Н.С. Гумилёве, не все упомянутом С. П. Мельгунове, И.А. Бунине и литераторах «После Бунина» (название статьи о состоянии словестности Зарубежья), В.Ф. Ходасевиче, А.М. Ремизове, Д.И. Кленовском, М.Е. Вейнбауме, Б.К. Зайцеве – и так вплоть до А.И. Солженицына, который удостоился от него немалой критики (за что апологеты Александра Исаевича долго потом цыкали и шипели на Ульянова: «какой-то третьеразрядный...», «да как он посмел»). Время и здесь многое изменило на весах беспристрастных оценок. Если Ульянов уже снискал себе почётное проименование «Петропольского Тацита», то к Солженицыну то и дело

возникают всё новые и новые «вопросы». Но об этом как-то в другой раз.

Здесь мы видим в Ульянове даровитого литературоведа (и, соответственно, историка литературы). Но не как узкого специалиста в данной области, а философа и гностика («познающего суть»), о чём свидетельствуют даже сами названия некоторых его публикаций, к примеру: «Арабеск или Апокалипсис» («Нос» Н. В. Гоголя), «Мистицизм Чехова», «Из давних споров» (образ Наташи Ростовской и руссоизм Л. Н. Толстого) и другие.

Уже одно это составило бы ему видное имя в литературной среде Зарубежья. Но Николай Иванович отнюдь не ограничивается данной сферой. Заметный след оставляют его работы «Комплекс Филофея» (1956), «посвященная генезису концепции «Москва - третий Рим», «высоко оцененная специально занимавшимся этим вопросом М.М. Карповичем», - как пишет рецензент. «Ульянов подобрал материалы, доказывающие иноземный характер этой концепции: с одной стороны, южнославянский, а с другой, католический, как намерение столкнуть Москву с османами. Формула Филофея была, по мнению Ульянова, чисто религиозной, а не политической, да и официальным курсом она тоже никогда не являлась».

К 150-летию взятия Парижа, в 1964 году, вышла научная работа Ульянова «Северный Тальма», посвященная Александру I, и определённая рецензентами, как «историкопсихологическое исследование». Год спустя - эссе «Шестая печать» - историософское рассуждение о конце истории, мировом апокалипсисе, грядущем не из-за вмешательства неких потусторонних сил, «а бытовом явлении, капитуляции высокой культуры перед серостью и ординарностью...». Доктор философии, профессор, в разное время, Колумбийского, Йельского, Нью-Йоркского, Питтсбургского университетов и Свято-Сергиевской академии А. Р. Небольсин высоко оценил данный труд, отметив духовную близость Ульянова Флоберу, «жестоко карающему обывателя, не признающего "поэзии пошлости"», выступающего против «лавочной духовной буржуазии», - что напомнило ему, Небольсину, «свободолюбивое ницшеанство Шестова, братство Леонтьева и Бердяева». Редактор и издатель Р.Н. Гринберг (Эрге; впервые «Шестая печать» была опубликована в его альманахе «Воздушные пути»), Роман Николаевич, как рассказывают, был в полном недоумении: какая такая гибель мира? Что за необъяснимые страхи перед негритянской революцией и китайским нашествием? Но малое время спустя «беспочвенные фантазии» Ульянова переросли в действительную реальность: возник воинствующий маоизм, появилась разнузданная «хунвэйбиновщина», произошли столкновения на Даманском и в других местах; в самих США распоясался «черный радикализм», африканские заимствования пустили губительные корни в молодежной культуре США...

Но если в случае с «Шестой печатью» взгляд Ульянова простирался «всего лишь» на годы, то в главной работе своей жизни, остающейся до сих пор единственным глобальным исследованием по данному вопросу - монографии «Происхождение украинского сепаратизма» - он преодолел уже десятилетия.

Естественно, что к этой вершине был проделан огромный путь. Помимо уже упомянутых работ по данному вопросу ним были написаны и опубликованы статьи «О разумном и неразумном. Полемика с М. В. Вишняком о патриотизме», «Еще о шевченковских легендах», «Шевченко - легендарный», «На Драгомановские темы», и т.д. Даже в такой далёкой, казалось бы, от темы национализма работе, как «Мысли о Чаадаеве», которые позднейшие исследователи не случайно объединяют со статьями «Шевченко легендарный» и «Еще о шевченковских легендах», Ульянов «писал о предопределяющей воззрения Чаадаева и Шевченко русофобии и антидемократической направленности их творчества». Все эти заметки, статьи, эссе, монографии etc стали своеобразными эскизами к главному полотну - всеобъемлющему исследованию «Происхождение украинского сепаратизма».

Ко времени его написания выработался и творческий метод Ульянова, жёстко охарактеризованный поэтом, поэтом, журналистом, публицистом и издателем В.К. Завалишиным (таким же, как и сам Ульянов, эмигрантом второй волны): «...Страсть Ульянова - это карательные экспедиции и публичные экзекуции. Его, как и его духовного предка Писарева, хлебом не корми - только дай ему кого-нибудь выпороть или какой-либо авторитет ниспровергнуть». Это отчасти верно, но этого мало: обязательно нужно помнить и о том, что он, Ульянов, к этому времени, 61-у году своей личной жизни, до крайней остроты отточил своё перо полемиста, бесконечно развил историческую эрудицию, впитал в себя лучшие традиции отечественной (русской) литературы и публицистики. Но, соглашаясь с Вячеславом Клавдиевичем, отметим: на избранном в данном случае поприще Николаю Ивановичу и вправду несть было числа кумирам, которых предстояло ниспровергнуть, и кажущихся незыблемыми устоев, подлежащих безжалостному разрушению.

Новаторство данной работы было в том уже, что Николай Иванович сразу и напрочь лишил их, «борцов за свободу Украины», права называться «украинскими националистами», убедительно доказав, что «даже национального угнетения, как первого и самого необходимого оправдания для своего возникновения», у них нет. Ибо «за все 300 лет пребывания в составе Российского Государства, Малороссия-Украина (явная отповедь М.С. Грушевскому, муссировавшему контр-идею «Руси-України», - прим. автора) не была ни колонией, ни "порабощённой народностью"». Точно назвал их подлинное имя - сепаратисты (от латинского *separatus* - отделённый; то есть раскольники, в лучшем случае - «сомостийники»); - ведь «именно национальной базы не хватало украинскому самостіничеству во все времена», - пишет Ульянов, - а поэтому «оно всегда выглядело движением ненародным, ненациональным, вследствие чего страдало комплексом неполноценности и до сих пор не может выйти из стадии самоутверждения». И определил место его: украинский сепаратизм всегда пребывал (и будет) на чье-то иноземной подкормке, поскольку в своём народе питающих источников никогда не имел. «Сейчас он (украинский сепаратизм) держится исключительно, благодаря утопической политике большевиков и тех стран, которые видят в нём средство для расчленения России», - делает вывод историк.

Ним тщательно исследуются «корни украинского сепаратизма». Споры его Ульянов находит в запорожском казачестве, которое было «порождено не южнорусской культурой, а стихией враждебной [ему], пребывавшей столетиями в состоянии войны с нею». Отнюдь не «степными лыцарями», как того кое-кому хотелось бы, но интернациональным сбродом, готовым за деньги идти в услужение к кому угодно, и уж тем более не «защитниками православия» предстают «козаченьки» на страницах книги. Свои постулаты Ульянов раскрывает «с исключительной последовательностью и доказательностью», спорить с ним трудно, ибо он «необыкновенно талантлив, проницателен, энциклопедически образован».

Не в «низах», а именно в среде казачьей верхушки зародился сепаратизм как стремление оградить свои личные интересы от притязаний более сильных соседей — Польского и Московского государства. Поляки взяли на себя роль акушерки при родах его и няньки при его воспитании, - говорит Ульянов. «Реестр», введённый ними, уже расколол казачество на «настоящих» казаков, желавших примазаться к этому неподатному сословию, и собственно народ. Тем более сильное расслоение произошло в этой среде позднее, когда осуществился «Захват Малороссии казаками» (название раздела монографии). Возникли так называемые «ранговые» (даваемые на период исполнения служебных обязанностей) «маетности», которые «можновладцы» пытались правдами и неправдами оставить за собой, в полную «вечную» собственность. А для обработки «грунтов» (земельной собственности) всегда требовался «живой инвентарь», в том числе и двуногий. Тем и объясняется жесточайшее угнетение со стороны колонизаторов-казаков населения Малороссии. А безмерно разраставшееся количество «урядов», создававшихся

казачьей администрацией, требовало всё новых земель для пожалований и, соответственно, «живого инвентаря» для их обработки.

«Москва, как известно, не горела особенным желанием присоединить к себе Украину. Она отказала в этом Киевскому митрополиту Иову Борецкому, отправившему в 1625 г. посольство в Москву, не спешила отвечать согласием и на слезные челобитья Хмельницкого, просившего неоднократно о подданстве», - напоминает историк. Сработал в итоге лишь один аргумент: воссоединение с единоверным православным народом. Воссоединение отнюдь не стало препятствием к получению Малороссией независимости и утверждению своей государственности: «не в соседях было дело, а в самой Украине. Там, попросту, не существовало в те дни идеи «незалежности», а была лишь идея перехода из одного подданства в другое», - констатирует исследователь. Казачья аристократия была увлечена заботами удержания крестьян под панями, любой ценой. «В том и есть узко эгоистическая сущность сепаратизма», - с сожалением говорит Ульянов: в годы, когда в ряде восточноевропейских стран складывалась государственность, внутренние распри и анархия, господствовавшие в Запорожской Сечи, помешали этому процессу. А захватившие Малороссию «казаченки» превратили ее как бы в огромное Запорожье, подчинив весь край своей дикой системе управления. «Отсюда частые перевороты, свержения гетманов, интриги, подкопы, борьба друг с другом многочисленных группировок, измены, предательства и невероятный политический хаос, царивший всю вторую половину XVII века».

На следующем историческом этапе, в XVIII веке, прекрасно осознавая, что Малороссия для Польши потеряна, графы Ян Потоцкий и Тадеуш Чацкий своих сочинениях «Историко-географические фрагменты о Скифии, Сарматии и славянах» и «О названии "Украина" и зарождении козачества», один - высказал мысль о том, что украинцы - совершенно особый народ, отличный от русского, а второй предложил уже целую теорию, согласно которой украинский народ вообще не имеет ничего общего со славянством: его предками, дескать, были кочевники из особой орды укров, пришедшей на территорию современной Украины из-за Волги в VII веке. Никаких достоверных данных ни один из них не привёл. Эти «идеи» сначала производили впечатление зёрен, брошенных на каменистую почву: после уравнивания прав малороссийской шляхты с российским дворянством сепаратизм её резко сошёл на нет. Образовавшееся единое политическое, экономическое и культурное развитие привело к процветанию и русских, и малороссов, то бишь «украинцев». В итоге «установились гармоничные отношения между этими народами, основанные на их этническом единстве, на общности исторических судеб, на принадлежности к единому пласту религиозной, языковой, бытовой, поведенческой и художественной культуры». Чего бы, казалось, ещё желать? Ан нет: в первой трети следующего, XIX века, возникает сочинение «История Русов», не мнимое (приписываемое архиепископу Белорусскому Георгию Конискому), но действительное авторство которой принадлежит отцу и сыну, Григорию и Василию Полетикам). Она вобрала в себя чуть ли не весь «фонд анекдотов, шуточек, легенд, антимосковских выдумок, которыми самостийничество пользуется по сей день».

Ложь, как видим, далеко не бесплодна: она оказалась способной оживить засохший, в силу естественно-исторических причин, сорняк сепаратизма. Но сам по себе он не был жизнеспособен, и новое развитие получил, быв привит к дереву «революционно-демократического движения». Которое переросло просто в «революционное». И сам «ствол», и привитый к нему дичок украинского сепаратизма равно получали подпитку от немцев и австрийцев в канун Первой мировой, а «во время войны, они (украинские сепаратисты) сотрудничали с большевиками в пользу общего хозяина - германского генерального штаба». Тогда они были союзниками: «в листовке "Союза Вызволення Украины", выпущенной в 1914 г., в Константинополе, Парвус и Ленин превозносятся как "найкращи марксистські голови"». Уже тогда, как предполагает Ульянов, «Парвус был общим хозяином для тех и других, а в ходе войны он окончательно связал их через своё

Большевики, придя к власти, воистину по-царски вознаградили своих союзников, отдав им в удел, помимо Южной Руси, территории, собственно к Малороссии отношения никогда не имевшие. Галицийская идея «самостийности» была распространена на земли, исконно тяготевшие не к Западу, а к Востоку. «Вторая мировая война завершила здание соборной Украины. Галиция, Буковина, Карпатская Русь, неприсоединенные дотоле, оказались включенными в её состав, - пишет Ульянов. - Всё сделано путём сплошного насилия и интриг. Жителей огромных территорий даже не спрашивали об их желании или нежелании пребывать в соборной Украине... Ни простой народ, ни интеллигенция не были спрошены, на каком языке они желают учиться и писать. Он был предписан верховной властью. Интеллигенция, привыкшая говорить, писать и думать по-русски и вынужденная в короткий срок переучиваться и перейти на сколоченный наскоро новый язык, - испытала немало мучений. Тысячи людей лишились работы из-за неспособности усвоить "державну мову"».

Книга «Происхождение украинского сепаратизма», полувековой юбилей которой мы отмечаем ныне, и которая признана «главным» произведением в его жизни, отнюдь не отражает широты интеллектуальных интересов Ульянова. Эмоционально они простирались, во времени, от скифов (роман «Атосса») до «Сириуса» (роман о Первой мировой и последних годах императорской России). Обозначенное пространство было наполнено множеством, как уже упоминалось, произведений, «разбросанных» по страницам, в основном, парижских («Возрождение», «Русская мысль») и нью-йоркских («Новый Журнал», «Новое русское слово») изданий, и «собранных» в сборники «Диптих», «Свисток», «Спуск флага», «Скрипты», «Под каменным небом». Невероятно велико их жанровое разнообразие: от сугубо историко-документальных исследований до фантастики «чистой воды» - где мысль пишущего никак не ограничивается юдольным «правдоподобием» и прочими «реалиями бытия». Ульянову всегда было «тесно» даже в честно заявленных, сравнительно узких рамках того или иного тематического исследования: так, упомянутая фундаментальная работа «Происхождение украинского сепаратизма», будучи построенной на незыблемом основании фактических источников, и вся насквозь пропитанная высоко ценимым историками чувством документа, в то же время является и блестящим образцом политического памфлета.

Откуда это? Нам представляется - от утонченности, рафинированности, успешно привитом своему ученику профессором С.Ф. Платоновым. Ведь вкус к истории - самый аристократический из всех вкусов, - так высказался некогда Жозеф Эрнест Ренан, философ и писатель, историк, член Французской академии «бессмертных». О чём был прекрасно осведомлён сам Н.И. Ульянов, поставивший данную максиму в качестве эпиграфа к одному из своих произведений.

Безумно даже предположить, что столь специфичное исследование - «Происхождение украинского сепаратизма» - столь умный и многознающий наблюдатель жизни планировал в качестве «главного» своего произведения. Скорее всего он видел, что называется, в упор культивируемое на Западе явление, об опасности которого хотел предупредить человечество в целом, и свою Родину в частности. Подобно Роберту Коху, открывшему бациллу сибирской язвы, холерный вибрион и туберкулёзную палочку, он входил в палату для заражённых, брал пробы и исследовал их в своей лаборатории, сопоставляя с материалами архивов, библиотек и иных древлехранилищ. Словно истый археолог, раскопал его древо до основания корней, показав истоки. Изучил все позднейшие наросты: нарощение «суто (сугубо) української церкви» с включением в число её «праздников» даже «шевченковских дней» (25 и 26 февраля по старому стилю) - «причислявшего поэта-атеиста, как бы, к лику святых угодников», и последующей

украинизацией святцев, где греко-римские и библейские имена святых были заменены обыденными простонародными кличками: Тимош, Василь, Гнат, Наталка, Полинарка, Гапка, и так до «преподобной Хиври» включительно. Данный шедевр – «Молитовник для житку украинської проваславної людности» был издан в 1954 году в Маннгейме, отыскан и описан Н.И. Ульяновым.

Помимо развенчания всей, без исключения, фейковой «история казачества», низвержения кумиров, были ниспровергнуты все прочие постулаты, агрессивно насаждаемые «самостийниками», и обычно принимаемые невежественными их слушателями без доказательств – в первую очередь, о якобы имевших место «гонениях на украинский язык». В этом смысле Ульяновым тщательно изучены не только пресловутые указы 1863 1876 годов (об ограничении использования малороссийского языка, чем где ни попадя козыряют «самостийники»), но и дан анализ их исполнения (коего на практике и не было). Предоставлен широкий экскурс в историю, напротив, всемерной поддержки этого языка. Ведь первые книги на нём были отпечатаны в столичном Санкт-Петербурге, и их издание продолжалось вплоть до гибели Империи.

Сверх того Ульянов терпеливо разъясняет, что никакого «великорусского» языка никогда не существовало и в помине. Был русский – единый и родной для обеих ветвей славянского племени язык. Создававшийся на паритетных основах как великороссами, так и малороссами. Причём участие последних в этом деле было едва ли не большим, нежели первых: «в Москве работали киевские учёные монахи Епифаний Славинецкий, Арсений Сатановский и другие, которым был вручён жезл литературного правления», – пишет историк. Далее, проводя эту «линию», он отмечает: «чем дальше, тем больше юго-западные книжники принимают участие в формировании общерусского литературного языка – Дмитрий Ростовский, Стефан Яворский, Феофан Прокопович. При Петре наплыв малороссов мог навести на мысль об украинизации москалей, но никак не о русификации украинцев, на что часто жалуются самостийники».

По грамматике, написанной в 1619 году, «украинским» учёным Мелентием Смотрицким, свыше полутора столетий училось и малороссийское, и московское юношество, в том числе Григорий Сковорода и Михайло Ломоносов. Разве не означает ли это языкового единства? – вопрошает исследователь, и даёт безусловно положительный ответ, подкрепляя его высказываниями на эту тему, в частности, Костомарова и Кулиша – малороссов, тяжко переболевших в молодости созданием «намеренно сочинённого языка», впоследствии превратившегося в страх перед ним. Писано, конечно, было для думающих, но не для галицийского «Пьемонта», ибо посетивший подгорную Украину Драгоманов такую дал оценку его обитателям: «С вами, кажется, и сам Бог ничего не сделает, такие уж вам забиты гвозди в голову».

«Когда... в Киеве появились первые погибшие, [один хороший человек] написал [LiveJournal], что просто напился до беспамятства. Потому что ясно представил всё, что произойдёт со страной дальше», – поведал другой хороший человек в своём ЖЖ. Ульянов зримо представлял себе «всё это» за более чем 50 лет до воплощения в реальность. И не вина Роберта Коха в том, что где-то до сих пор наблюдаются вспышки сибирской язвы, холеры или туберкулёза. Сам-то он сделал всё что мог.

Блогер, названный нами «другим человеком», поместил тогда большую аналитическую статью, где трезво оценил перспективы страны победившего Майдана, сделав важнейшую оговорку: «И если вам вдруг показалось, что я написал это всё со злорадством, вы ошиблись. Когда я вижу, что творится на Украине, у меня сердце кровью обливается. Потому что я никогда не признаю ни эту страну, ни её жителей чужими для нас. Для меня украинцы – это русские, с которыми произошла катастрофа».

Именно с такими чувствами и писал свою главную книгу Н.И. Ульянов: с болью, с горечью, с обливающимся многою кровью сердцем.

К 50-летию выхода книги Николая Ульянова «Происхождение украинского сепаратизма»

Пятьдесят лет тому назад – что примечательного в мире тогда произошло? Коли навскидку, так вроде бы и ничего... Но это, конечно же, не так.

В том году как-то необычайно часто падали самолёты. Один Ил-14 потерпел катастрофу на Камчатке, другой, такой же, – под Баку, ещё один – близ Печоры. Упал Ту-134 под Чкаловским. Произошли катастрофы с Ан-8 в Лахте, с Ту-114 в Шереметьеве, с Ан-24 – под Каиром и с Let L-200 под Новороссийском. Сразу три Ил-18 погибли – в Архангельске, Алма-Ате и под Братиславой. Сверхнадёжный Ан-2, и тот умудрились как-то разбить под Батуми.

Падали самолёты не только у нас: «у них» с этим делом обстояло ещё хуже. Открыл список авиакатастроф Дуглас С-54, упавший в Картагене. Вслед за ним бомбардировщик В-52, с термоядерным оружием на борту, столкнулся над Испанией с самолётом-заправщиком. Бомбы искали целых два месяца, держа мир в сильнейшей тревоге. Тем временем на Монблане разбился пассажирский Boeing 707, потом, под Токио, – Boeing 727 (крупнейшая на тот момент авиакатастрофа, забравшая 133 жизни). Там же, в Токио, месяц спустя разбивается ещё один пассажирский гигант – «американец» DC-8. Boeing 707 падает на Фудзи; «Дуглас» DC-6 – у Афинам; Lockheed'ы – L-188 Electra и L-749 рухнули, соответственно, в Ардморе (штат Оклахома), и под Лимой (Перу); «британец» BAC 1-11 – под Фолс-Сити (штат Небраска). Канадский CL-44 терпит сокрушительную аварию 24 декабря в Дананге (Вьетнам)...

Мы, Советский Союз, в этом году активно строили – как у себя, так и по всему миру (в частности, возводя металлургический комбинат в Египте). США столь же энергично разрушали: бомбя Вьетнам напалмовыми бомбами, развязав, помимо этого, ещё и так называемую Вторую Корейскую войну, не утихавшую затем три года. Мы основали в том году целый новый город – Стрежевой (Томская область). Американцы – 30 апреля – Церковь Сатаны. Её фундатор Антон Шандор ЛаВей объявил тот год I годом Века Сатаны, и, соответственно, началом сатанинской эры. Начал проводить обряды: сатанинского «крещения», сатанинских похорон. Так к своему «отцу» (по принадлежности) в числе первых был отправлен офицер ВМС США Эдвард Олсен, награждённый медалью за отвагу. Ихней медалью. За ихнюю «отвагу».

Мировые державы далее осваивали космос. Мы отправили во Вселенную первую в мире АМС «Луна-9», которая села на поверхность Луны и передала на Землю, впервые, панорамы её ландшафта. Американцы всё посылали на околоземную орбиту свои челноки «Джемини», от номера 8 по 12-й. Далее отрываться пока не решались.

В качестве прочих видов соревнований по международному, скажем так, многоборью, мы решительно побили «их» в том году, совершив, впервые в мире, без всплытия в надводное положение, кругосветное плавание отряда атомных подводных лодок ВМФ СССР.

Мир, в целом, крепко штормило. Дважды за год случились военные перевороты в Нигерии. Восьмой, по счёту, произошёл в Сирии. Насильственная смена власти произошла также в Гане и Аргентине. А неудавшиеся такого рода попытки были предприняты в Лаосе и Судане.

Из очень примечательного стоит назвать создание Международного Трибунала по расследованию военных преступлений США. Почётным его Президентом стал Бертран Рассел, Президентом – Жан-Поль Сартр. В состав высокого суда вошли известнейшие писатели, философы, публицисты, историки: Гюнтер Андерс, Джеймс Болдуин, Симона де Бовуар, Сара Лидман, Петер Вайс, Исаак Дойчер, Владимир Дедьер, а также целая плеяда юристов, дипломатов, общественных деятелей мирового уровня. Год спустя, 10 мая 1967 года, Трибунал озвучил свой первый вердикт: «Действия США подпадают под статью... Нюрнбергского трибунала и подлежат юрисдикции международного права... Южная Корея, Австралия и Новая Зеландия стали соучастниками этого преступления... Действия США во Вьетнаме должны быть квалифицированы в целом как преступление против человечества...». Так США впервые, на законных основаниях, были признаны преступным государством. Было доказано: «Штаты» содейли во Вьетнаме преступления, равные по тяжести совершённым нацистской Германией.

Из радостных событий помнится то, что Британская Гвиана, которая стала называться Гайаной, и британский протекторат Басутоленд, принявший новое название Королевство Лесото, избавились наконец-то от удушливых объятий английской короны. Были и утраты: «у них» умер художник-мультипликатор и кинорежиссёр Уолт Дисней. Мы потеряли в тот год Анну Андреевну Ахматову...

За столь насыщенной палитрой сенсаций, инцидентов, явлений и происшествий, занимавших первые строчки мировых таблоидов, кому бы и в голову пришло уследить за событием, сейчас интересующим нас более прочих: что в захолустье Европы, в Мадриде, в небольшой типографии на улице Mesón de Paños, 6, вышла книга с неприятным, на первый взгляд, названием: «Происхождение украинского сепаратизма». Томик стандартного формата, близкого к нынешнему А5. Каких-то 286 страниц текста, поданного в необычной орфографии: похожей на дореволюционную, с «і» и «ятями», но без «еров» в конце слова, и «фит» тоже. Любопытно, что точно в такой орфографии главы из этой книги были опубликованы годом ранее в парижском журнале «Возрождение».

На титульном листе было проставлено как бы место публикации: «Нью Йорк». Копирайт прямо указывал на правообладателя: «bi Nicholas Oulianoff», и место его проживания:

«New Haven, Conn. U.S.A». Где печаталось, впрочем, тоже не скрывалось: «Printed in Spain».

Н. И. УЛЬЯНОВ

ПРОИСХОЖДЕНІЕ УКРАИНСКАГО СЕПАРАТИЗМА

НЬЮ ЙОРК
1966

Сказать по чести, попади эта книга, сразу же по выходу в свет, в СССР (для жителей которой она и была адресована в первую очередь), вряд ли кто вообще обратил бы на неё тогда серьёзное внимание. Нас занимали совершенно другие вещи: колонизация космоса («И на Марсе будут яблони цвести...»), завораживали ритмы великих строек, увлекала романтика: в геологи, что ли, пойти? Физиком стать – или записаться в лирики? И чем таким, в свете подобных призывов и дилемм, выделась эта пещерная дикость: какой-то

Но книгу Николая Ульянова, представьте себе, сразу же заметили. Очень вскоре после опубликования она полностью исчезла с книжных прилавков. Случилось необычное: как правило, подобные книги продаются долгие годы. Позже выяснилось: почти весь тираж был скуплен некими заинтересованными лицами, и уничтожен. Стало быть, она была признана и актуальной, и глубокой. Следовательно, для кое-кого весьма опасной.

А к нам она пришла спустя ровно 30 лет после первой публикации, в 1996 году (издательство «Индрик»). Тоже, стало быть, нынче юбилей. Предмет её рассмотрения уже тогда не выглядел анахронизмом. Книга была не просто прочтена, но и признана классической. По ней возникла масса научных статей, рецензий; были защищены первые диссертации. Появились апологеты творчества автора её. Составлена елико возможно полная библиография его трудов, и статей о нём, включающая 755 наименований! И вот смотрите, как оно всё обернулось: самолёты, упавшие тогда, забыты; редким позором закончилась война США во Вьетнаме..., и её тоже стараются «забыть», «зарастить бьельём». Как и полученную тогда судимость «самой демократической страны в мире». А отдававшая, на момент выхода в свет, устарелостью, сама казавшаяся анахронизмом, книжка оказалась куда как актуальной в наши дни. А ведь это явный признак гениальности автора – «стрелять» в цель, которую видит он один.

С него самого, следовательно, и начнём.

Ребёнок в семье Ульяновых появился на свет 23 декабря 1904 года, в деревне Ганежа Осминской волости Гдовского уезда Санкт-Петербургской губернии. В этот день православная церковь чтит мучеников, иже во Крите: «десятерых славнейших мужей», истерзанных правителем острова, игемоном Декием в III веке. «Они предстали перед мучителем, - и каких только смелых речей не высказали они, какого мужества ни показали, каких только мучений не испытали, каких мук ни победили своим терпением! - написано в «Житиях святых». Святые мученики, как сообщает писание, «пренебрегли всеми муками». Тогда «усердный слуга сатаны Декий» (так называет его летописец), «отчаявшись в возможности убедить их и принудить принести жертву, произнёс над ними смертный приговор»: усечь их главы мечом. На месте казни, именуемом Алонием, мученики воспели общую песнь к Богу: «Благословен Господь, Который не дал нас в добычу зубам их! Душа наша избавилась, как птица, из сети ловящих» (Пс.123:6-7).

А назвали новорожденного Николаем: скорее всего, не в честь святителя, чудотворца и угодника Божия, но преподобного Николая монаха, память которому творит Церковь на следующий день от его рождения, в канун навечерия Рождества Христова. Был он военачальником византийского императора Никифора I, правившего в самом начале IX века. После сражения, в котором погибли все соратники преподобного, блаженный

Николай оставил мир, удалился в монастырь, принял схиму и стал непрестанно молиться о воинах, павших в сражениях. «Своими великими подвигами он так угодил Господу, что был удостоен дара прозорливости», - сообщает православный церковный календарь.

.

Выясним заодно уж и этимологию названия той деревни. Оно совершенно не характерно для русского языка. Зато занимает весьма почётное место в санскрите, родственном русскому. В нём Ганеш (не забудем о свободном чередовании шипящих) - божество с головой слона, убирающее все преграды для каждого, кто попросит его о помощи. Это индусский бог преуспевания и мудрости, первое божество, с которым можно было вступить в контакт во время чтения молитв. «Он также помогает с сочинительством и художественными проектами», - заявляет источник. И ему есть тысяча других имён; Ганеш - просто одно из них, но главное.

.

По факту рождения Николай Ульянов был крестьянский сын. Да вот только время появления его на свет оказалось не вполне удачным с точки зрения «сохранения вековых традиций»: под воздействием внешних факторов земледельческая община давала трещины, рушилась. Петербуржцем в первом поколении стал его отец, ушедший в столицу и приобретший специальность слесаря-водопроводчика. Затем в город перебралась и мать, зарабатывавшая на жизнь до революции прислужкой у частных лиц, а после неё - уборщицей в школах и рабочих клубах.

.

Тюю же рабочей стезёю отправился в мир широкий и их сын. Окончил начальную городскую школу, затем Высшее начальное городское училище (после революции преобразованное в Единую трудовую школу), и дополнительный двухлетний курс обучения при ней для особо одарённых. Надо ли говорить, что Николай Ульянов попал в их число? Весь школьный цикл завершил он в 1922 году, взяв от него всё возможное.

.

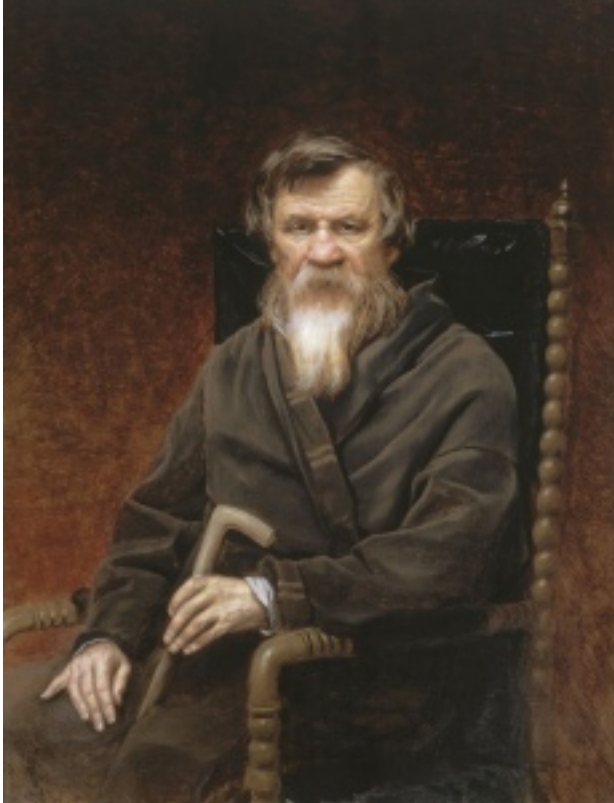
Учась, ему параллельно приходилось подрабатывать - сначала подручным водопроводчика, позднее, уже в университете - давая частные уроки. Дело в том, что отца Николай потерял в 14-летнем возрасте, и заработанная ним «копейка» имела весьма существенное значение для бюджета семьи.

.

Что до университета, то следует напомнить: престиж высшей школы был резко снижен после революции 1917 года. В этом роковом году историко-филологическое отделение Петроградского университета окончили 365 человек, годом позже - 132, ещё через год - 12, а в 1920 году - лишь 8. Пойти за приобретением высшего образования было тогда в известной мере «заплывом против течения». Тем не менее, Ульянов избирает для себя именно эту стезю: тернистый путь историка. А неисчерпаемая внутренняя энергия приводит его ещё и на курсы сценического мастерства, затем в Институт ритма совершенного движения, потом на Курсы мастерства сценических постановок - «первые в мире режиссерские курсы». Практику Ульянов проходил в Мариинском театре. Но здесь не сложилось: юношу оттолкнула от театрального мира закулисная его атмосфера. Отметим и это обстоятельство - как чрезвычайно важное в деле самовоспитания его души. Кривить ею он не будет нигде и никогда.

Драматургический, скажем так, этап его, Николая Ульянова, развития отнюдь был не случайным. «Театральное мировосприятие» есть устоявшееся смысловое понятие. Благодаря ему развивается острая чувствительность, способность к фрагментации (выделению) главных событий и явлений, и дефрагментации (отбрасыванию лишнего); учит собиранию образа, выстраиванию внешних и внутренних связей. Шекспировского «весь мир - театр, а люди в нём - актеры» никто ещё пока не отменял.

Невзирая на все «революционные утраты»: кто в эмиграцию, кто под репрессии, а то и на расстрел), отечественная высшая школа была всё ещё богата той, имперской закваски профессурой, способной извлекать из студенческой массы штучный товар мирового уровня. Ульянова заметил, приблизил и сделал своим учеником (последним в его долгой научно-педагогической карьере) академик С.Ф. Платонов. Сергей Фёдорович, в свою очередь, являлся воспитанником профессора К.Н. Бестужева-Рюмина, а тот - Т.Н. Грановского, К.Д. Кавелина, С.М. Соловьева, которых обучали Н. В. Станкевич, М. П. Погодин, - а это уже карамзинская эпоха, золотой век не только Русской литературы, но и Русской истории тоже.

Сергей Фёдорович, как один из наиболее талантливых университетских профессоров, был приглашён, в середине 1890-х, в качестве преподавателя русской истории к великим князьям Михаилу Александровичу, Дмитрию Павловичу, Андрею Владимировичу и великой княгине Ольге Александровне. «Октябрьскую революцию» не принял, отнёсся к ней резко отрицательно, посчитав случайной и «ни с какой точки зрения не подготовленной». Но остался в стране, найдя своё место в работе по спасению петроградских архивов, библиотек и преподавательской деятельности.

Выбор ним своего лучшего ученика оказался на редкость удачным. Предложенная тема дипломной работы: «Влияние иностранного капитала на колонизацию Русского Севера в XVI-XVII вв.» была раскрыта столь блестяще, что удостоилась высшей оценки руководителя: «Считаю работу выдающейся», - отметил Сергей Фёдорович в своём отзыве. «Более того, - пишет исследователь В. Э. Багдасарян, - на "Неделе русских историков", организованной в Берлине в 1928 г., в докладе "Проблемы Русского Севера в новейшей историографии", он выделил данную работу Ульянова в общем ряду с трудами А.Я. Ефименко, М.М. Богословского, Б.Д. Грекова, А.А. Кизеветтера, С.В. Бахрушина, С.В. Рождественского и др., хотя она являлась всего лишь выпускным дипломом». И здесь добавим своё краткое резюме: глубина, то есть исчерпывающее исследование темы, авторитетность и основательность - вот то, что отличало все работы Н.И. Ульянова, за которые он когда-либо брался.

После окончания Ульяновым университета в 1927 г. он, по совету своего учителя, поступил в аспирантуру. Увы, не на воспитавшей его кафедре: уход Платонова и некие прочие привнесённые обстоятельства predeterminedелили переезд молодого учёного в Москву, и поступление в РАНИОН, куда он и был зачислен 14 октября 1927 года. Кипучая энергия Николая Ивановича находит выход в написании, в этот период, ним ряда научных работ, на доклад по одной из которых сохранился отзыв ведущего семинара известного историка В.И. Невского: «Прекрасный доклад. Обнаружил умение разбираться в большом материале... Будущий ученый – несомненно».

Кроме того, в РАНИОН аспирант Ульянов состоял секретарем всей секции русской истории и секретарем комиссии по изучению эпохи торгового капитализма в России. А помимо этого, выполнял и общественную работу: руководил кружком текущей политики на шелковой фабрике «Красная Роза», состоял председателем комиссии по изучению быта рабочей молодежи, работал в качестве секретаря редакции стенгазеты Института истории. «Всё предвещало стремительную карьеру», - отмечают биографы историка.

Развернувшаяся вскоре травля Платонова и взятие его яркого ученика «под персональное наблюдение» одним из организаторов этих преследователей, С.А. Пионтковским ("гнусная личность, сексот и доносчик",- писали о нём), тем не менее, не повлекли репрессий. Ульянов крайне востребован. Его, как уже признанного специалиста по русскому Северу, командируют в Архангельский пединститут, где он плодотворно работает с 1930-го по 1933 год. Написанные в это время, и вышедшие из печати в 1932 году его «Очерки истории Коми-Зырян» влекут за собой присвоение автору кандидатской степени без формальной защиты диссертации. По возвращению в Ленинград учёный назначается доцентом по кафедре истории СССР Ленинградского института истории, философии, литературы и лингвистики (ЛИФЛИ). Здесь же, в ЛИФЛИ, он получает вскоре профессорскую кафедру, а помимо того становится учёным специалистом Института истории АН СССР. Пишет ряд научных работ, за изданием которых просто не поспевает печатный станок, и которые он сам пытался издать собственными средствами с помощью стеклографа. Увы, большинство их сгинуло бесследно при аресте: они были изъяты и уничтожены, известны лишь из названия: «Феодализм в Древней Руси», «Московское государство в XVI веке», «Феодальная Русь и усиление Москвы», «Самодержавие XVII века и петровские "реформы"»... Как знать: быть может, и в этом был некий глубинный смысл (что они, эти работы, растворились во времени) – ведь писались они под знаком несвободы. Ульянов по прошествии лет сам отмечал: «Захваченные с детства величайшим в истории вихрем, росшие в условиях, которых ни прежняя русская, ни любая из современных западных интеллигенций не знала, мы достигли зрелого возраста в такое время, когда в анкетах не существовало больше рубрики о "сочувствии" советской власти. Создавалась "служилая интеллигенция", жившая не под знаком "убеждений или мировоззрения", а под знаком тягла. Её уже не спрашивали "како веруеши", а смотрели, так ли она пишет, как надо».

В целом вполне лояльный к советской власти (с 1925 года комсомолец, при назначении на кафедру – кандидат в члены партии), он, Ульянов, тем не менее, позволил себе высказать некоторые критические взгляды на партийную политику в исторической науке. Сделано это было в статье «Советский исторический фронт», обнародованной всего-то в институтской стенгазете 7 ноября 1935 г. Чего оказалось вполне достаточным для возбуждения против него «дела» по обвинению в «контрреволюционной троцкистской деятельности».

Легко сегодня говорить о глупости и бессмысленности подобного обвинения. Но на тот момент, когда до окончательного решения «бронштейновского вопроса», осуществлённого 20 августа 1940 года Рамоном Меркадером, оставалось почти целых пять лет; когда Лейба Давидович, пребывая в своём мексиканском далеке, оканчивал книгу «Преданная революция», создавал свой альтернативный Социнтерну и Коминтерну «Четвёртый интернационал», призывал к насильственному свержению существующей в

Следствие, тем не менее, растянулось более чем на полгода. В этот период произошло одно из важнейших событий: Ульянов встретил наконец-то свою настоящую «судьбу» - женился на Н. Н. Калнишь, выпускнице Московского I-го медицинского института (первый брак его, в годы аспирантуры, оказался неудачным и недолговечным). В отличие от той, бывшей, Надежда Николаевна оказалась поистине верным и надёжным другом и соратником. Вместе они прошли сквозь такие испытания, что иным, как говорится, и не снилось...

Вскоре после свадьбы, 2 июня 1936 г., Ульянов был арестован. Приговор ему объявили в середине октября 1936 г.: 5 лет заключения в ИТЛ. Для отбытия наказания он был направлен Белбалтлаг – исправительно-трудовой лагерь, основной задачей которого было строительство и обслуживание Беломоро-Балтийского канала. Выжить в постигнувшей его беде помогла природная сметка мастерового человека. Не библиотекарем, нарядчиком или фельдшером при больничке (обычный путь спасения интеллигента, как мы знаем по воспоминаниям Варлама Шаламова, Льва Разгона, Александра Солженицына), но освоением востребованной профессии сварщика - которая и впоследствии выручит его ещё не раз, - сохранился он.

С Запада, спустя некоторое время, повеяло войной. И часть лагерников рассредоточили подальше от враждебной Финляндии – кого на Новую Землю, кого в Норильск. Здесь Ульянов подал ходатайство к властям о пересмотре своего дела. Увы, оно оказалось «звонковым»: в пересмотре было отказано, на свободу Николай Иванович вышел день в день ареста, 2 июня 1941 года.

Путь домой оказался долгим и трудным.... За три недели ему удалось доехать лишь до Ульяновска, где и застало его известие о начале Великой Отечественной. Тут пришлось задержаться. На жизнь зарабатывал в качестве ломового извозчика. Был мобилизован на строительство оборонительных сооружений на подступах к Москве, и под Вязьмой. Угодил в немецкий плен и оказался в Дорогобужском концентрационном лагере. Бежал. Пройдя пешком более 600 км по немецким тылам, добрался до пригорода Ленинграда, города Пушкин. Там разыскал супругу. Вместе с ней перебрался под Гдов, на родину. Надежда Николаевна пользовала местное население; за мзду крестьян, благодаривших врача, они и жили. Сам Ульянов найти себе занятие по своим специальностям не смог. Коротал время, создавая поэтический сборник, записывая сохранившиеся в памяти стихи русских классиков. И начал работу над своим историческим романом «Атосса» - о войне персидского царя Дария I Великого, в которой этот властитель полумира потерпел жестокое поражение от никогда не знавших больших военных неудач, никем никогда не покорённых предков наших скифов. Думы историка-патриота, как видим, были созвучны мыслям абсолютного большинства русских людей. Ведь аналогия более чем прозрачна: в гитлеровском нашествии на свою Родину он увидел подобное же варварское вторжение, имевшее место быть 25 веков тому назад, и окончившееся для Дария бесславно.

Роман этот терпеливо вынашивался Ульяновым и дальше: в немецкой неволе,

американском плену, вынужденной эмиграции в Африку. А свет впервые увидел в парижском журнале «Возрождение» в 1950-м и последующих годах (в виде отдельных глав); полностью опубликован в Нью-Йорке, в издательстве имени Чехова, в 1952-м. К нам же он пришёл лишь сорок с лишним лет спустя, в 1993-м (Москва, изд-во «Дрофа»); массово его издала год спустя «Роман-газета»... Но вернёмся к последовательной хронологии событий.

Долго отсиживаться в глуши Ульяновым не удалось. В качестве оstarбайтеров супруги были принудительно вывезены осенью 1943 года в Германию. Сначала помещены в

Durchgangslager (транзитный лагерь в Дахау), а оттуда распределены в Карлсфельд, пригород Мюнхена. Николая Ивановича поставили работать сварщиком на заводе Bayerische Motoren Werke («Баварские моторные заводы», сокращённо BMW) – компании, «сконцентрировавшейся исключительно на производстве самолётов и мотоциклов, не претендуя на что-либо иное, кроме как быть поставщиком военных машин для нацистов», – уточняет авторитетное издание. Надежда Николаевна принуждена была трудиться в лагерьном госпитале.

.

Карлсфельд после поражения Германии оказался в американской зоне оккупации. Снова лагерь, теперь уже для ди-пи («перемещенных лиц»), и мучительное ожидание – как именно разрешится их судьба? Ведь в соответствии рядом подписанных союзниками документов, всем остарбайтерам, независимо от их желания, надлежало вернуться на Родину. А здесь Ульяновым, безусловно, всё бы припомнили: ему – и прежнюю судимость, и работу (даром, что подневольную) на военных заводах, ей – медицинское обслуживание узников лагеря, которое тоже можно было трактовать как сотрудничество с нацистами. В итоге двухлетнего (!) пребывания, что называется, между землёй и небом, супругам удалось по каналам ИРО (Международной организации по делам беженцев) нелегально бежать из Германии в Марокко. Таких, как они, бывших граждан СССР, осело тогда под Касабланкой 355 человек. Жилища их составили целый посёлок. А на работу Ульянов устроился на завод металлических конструкций «Schwartz Haumont», опять-таки сварщиком.

.

Здесь, в этом крупнейшем городе Марокко, древней Анфае, Николай Иванович сразу же возвращается к научной деятельности. Статус страны пребывания, как колонии, облегчает ему установление связей со столицей метрополии, Парижем. В среде интеллектуалов-эмигрантов первой волны он знакомится с великолепным историком и философом М.А. Алдановым (переросшее во многолетнюю сердечную дружбу), Н.Н. Берберовой, В.В. Вейдле, В.К. Зайцевым, Г.В. Ивановым, Н.О. Лосским, И.В. Одоевцевой, Н.М. Херасковым, С.П. Мельгуновым. Последний особенно много помог ему: сначала укрыться в Марокко, потом обеспечил возможностью публиковаться – то есть вернуться в научное сообщество.

.

Весьма примечательно, что уже первая научная статья Н.И. Ульянова, обнародованная в 1948 г., была озаглавлена «К национальному вопросу». А вслед ей, тогда же, была напечатана ещё одна, по той же теме, но более адресная: «Украинцы и псевдоукраинцы». Как бы в развитие данного направления годом позже появляются статьи «Зеркало украинского национализма» и «Казакиада». Затем – «Происхождение украинцев и великоруссов в свете сепаратистской «науки» (1952 г.), «Богдан Хмельницкий» и «Русь - Малороссия – Украина» (1953). Всего же статей на «украинскую тему», включая вариации, было написано Ульяновым несколько десятков.

.

На 1953 годе есть смысл остановиться особо. Именно тогда, учитывая уровень публикаций, на которые обратили внимание советологи, а также тесное общение с С. П. Мельгуновым, ярим антикоммунистом, Ульянов был приглашён Американским комитетом по борьбе с большевизмом на должность главного редактора русского отдела радиостанции «Освобождение» (ныне перелицованной в «Свобода»). Трёх месяцев ему вполне хватило, чтобы досконально разобраться в том, что данное ублюдочное

порождение ЦРУ имело не столько антисоветскую, сколько антирусскую направленность. И он ушёл с высокооплачиваемой работы, громко хлопнув при этом дверью.

.

Тогда же Ульяновы переезжают в Канаду. Содействие в бытовом и научном обустройстве Николаю Ивановичу оказал замечательный, весьма авторитетный в Америке учёный, профессор Г.В. Вернадский. По его референциям Ульянов сначала начал читать в Монреальском университете курс лекций по истории русской революции, а год спустя, после ухода Георгия Владимировича в отставку с преподавательской деятельности, опять-таки по его рекомендациям, стал преподавателем по русской истории и литературе в Йельском университете (Нью-Хейвен, штат Коннектикут). Где и проработал 17 лет до своего выхода на пенсию в 1973 году.

.

Духовная и научная связь между этими двумя мощными умами, историками и философами, несомненна и весьма глубока. «Украинская» тема ведь тоже «вечно» бередила душу Вернадского. Имея достаточно сложную национальную идентичность, полагая себя «украинцем и русским одновременно» (и в то же время советуя отцу отречься от украинских корней, нигде не показывать такую принадлежность – имея в виду формы и методы проводившейся на его родине насильственной «украинизации»), он постоянно обращался к данной тематике, о чём свидетельствуют такие его работы, как «Киевский и казацкий периоды истории Украины», «Князь Трубецкой и украинский вопрос», монографии о малороссийских историках Николае Костомарове, Владимире Антоновиче, Михаиле Драгоманове, Дмитрие Багалие. Впоследствии те же личности, в особенности Драгоманов, будут гораздо более тщательно и глубоко исследованы и Николаем Ульяновым в его публикациях.

.

Спектр научных интересов Николая Ульянова, как историка, был очень широк и отнюдь не замыкался на пресловутом «украинском вопросе». Приведём названия лишь нескольких его работ, опять-таки в порядке хронологии. Это исследования о Н.С. Гумилёве, не все упомянутом С. П. Мельгунове, И.А. Бунине и литераторах «После Бунина» (название статьи о состоянии словестности Зарубежья), В.Ф. Ходасевиче, А.М. Ремизове, Д.И. Кленовском, М.Е. Вейнбауме, Б.К. Зайцеве – и так вплоть до А.И. Солженицына, который удостоился от него немалой критики (за что апологеты Александра Исаевича долго потом цыкали и шипели на Ульянова: «какой-то третьеразрядный...», «да как он посмел»). Время и здесь многое изменило на весах беспристрастных оценок. Если Ульянов уже снискал себе почётное проименование «Петропольского Тацита», то к Солженицыну то и дело возникают всё новые и новые «вопросы». Но об этом как-то в другой раз.

.

Здесь мы видим в Ульянове даровитого литературоведа (и, соответственно, историка литературы). Но не как узкого специалиста в данной области, а философа и гностика («познающего суть»), о чём свидетельствуют даже сами названия некоторых его публикаций, к примеру: «Арабеск или Апокалипсис» («Нос» Н. В. Гоголя), «Мистицизм Чехова», «Из давних споров» (образ Наташи Ростовской и руссоизм Л. Н. Толстого) и другие.

.

Уже одно это составило бы ему видное имя в литературной среде Зарубежья. Но Николай Иванович отнюдь не ограничивается данной сферой. Заметный след оставляют его

работы «Комплекс Филофея» (1956), «посвященная генезису концепции «Москва - третий Рим», «высоко оцененная специально занимавшимся этим вопросом М.М. Карповичем», - как пишет рецензент. «Ульянов подобрал материалы, доказывающие иноземный характер этой концепции: с одной стороны, южнославянский, а с другой, католический, как намерение столкнуть Москву с османами. Формула Филофея была, по мнению Ульянова, чисто религиозной, а не политической, да и официальным курсом она тоже никогда не являлась».

.

К 150-летию взятия Парижа, в 1964 году, вышла научная работа Ульянова «Северный Тальма», посвященная Александру I, и определённая рецензентами, как «историкопсихологическое исследование». Год спустя - эссе «Шестая печать» - историософское рассуждение о конце истории, мировом апокалипсисе, грядущем не из-за вмешательства неких потусторонних сил, «а бытовом явлении, капитуляции высокой культуры перед серостью и ординарностью...». Доктор философии, профессор, в разное время, Колумбийского, Йельского, Нью-Йоркского, Питтсбургского университетов и Свято-Сергиевской академии А. Р. Небольсин высоко оценил данный труд, отметив духовную близость Ульянова Флоберу, «жестоко карающему обывателя, не признающего "поэзии пошлости"», выступающего против «лавочной духовной буржуазии», - что напомнило ему, Небольсину, «свободолюбивое ницшеанство Шестова, братство Леонтьева и Бердяева». Редактор и издатель Р.Н. Гринберг (Эрге; впервые «Шестая печать» была опубликована в его альманахе «Воздушные пути»), Роман Николаевич, как рассказывают, был в полном недоумении: какая такая гибель мира? Что за необъяснимые страхи перед негритянской революцией и китайским нашествием? Но малое время спустя «беспочвенные фантазии» Ульянова переросли в действительную реальность: возник воинствующий маоизм, появилась разнузданная «хунвэйбиновщина», произошли столкновения на Даманском и в других местах; в самих США распоясался «черный радикализм», африканские заимствования пустили губительные корни в молодежной культуре США...

.

Но если в случае с «Шестой печатью» взгляд Ульянова простирался «всего лишь» на годы, то в главной работе своей жизни, остающейся до сих пор единственным глобальным исследованием по данному вопросу - монографии «Происхождение украинского сепаратизма» - он преодолел уже десятилетия.

.

Естественно, что к этой вершине был проделан огромный путь. Помимо уже упомянутых работ по данному вопросу ним были написаны и опубликованы статьи «О разумном и неразумном. Полемика с М. В. Вишняком о патриотизме», «Еще о шевченковских легендах», «Шевченко - легендарный», «На Драгомановские темы», и т.д. Даже в такой далёкой, казалось бы, от темы национализма работе, как «Мысли о Чаадаеве», которые позднейшие исследователи не случайно объединяют со статьями «Шевченко легендарный» и «Еще о шевченковских легендах», Ульянов «писал о предопределяющей воззрения Чаадаева и Шевченко русофобии и антидемократической направленности их творчества». Все эти заметки, статьи, эссе, монографии etc стали своеобразными эскизами к главному полотну - всеобъемлющему исследованию «Происхождение украинского сепаратизма».

.

Ко времени его написания выработался и творческий метод Ульянова, жёстко охарактеризованный поэтом, поэтом, журналистом, публицистом и издателем В.К.

Завалишиным (таким же, как и сам Ульянов, эмигрантом второй волны): «...Страсть Ульянова - это карательные экспедиции и публичные экзекуции. Его, как и его духовного предка Писарева, хлебом не корми - только дай ему кого-нибудь выпороть или какой-либо авторитет ниспровергнуть». Это отчасти верно, но этого мало: обязательно нужно помнить и о том, что он, Ульянов, к этому времени, 61-у году своей личной жизни, до крайней остроты отточил своё перо полемиста, бесконечно развил историческую эрудицию, впитал в себя лучшие традиции отечественной (русской) литературы и публицистики. Но, соглашаясь с Вячеславом Клавдиевичем, отметим: на избранном в данном случае поприще Николаю Ивановичу и вправду несть было числа кумирам, которых предстояло ниспровергнуть, и кажущихся незыблемыми устоев, подлежащих безжалостному разрушению.

Новаторство данной работы было в том уже, что Николай Иванович сразу и напрочь лишил их, «борцов за свободу Украины», права называться «украинскими националистами», убедительно доказав, что «даже национального угнетения, как первого и самого необходимого оправдания для своего возникновения», у них нет. Ибо «за все 300 лет пребывания в составе Российского Государства, Малороссия-Украина (явная отповедь М.С. Грушевскому, муссировавшему контр-идею «Руси-України», - прим. автора) не была ни колонией, ни "порабощённой народностью"». Точно назвал их подлинное имя - сепаратисты (от латинского *separatus* - отделённый; то есть раскольники, в лучшем случае - «сомостийники»); - ведь **«именно национальной базы не хватало украинскому самостіничеству во все времена»**, - пишет Ульянов, - **а поэтому «оно всегда выглядело движением ненародным, ненациональным, вследствие чего страдало комплексом неполноценности и до сих пор не может выйти из стадии самоутверждения»**. И определил место его: **украинский сепаратизм всегда пребывал (и будет) на чье-то иноземной подкормке, поскольку в своём народе питающих источников никогда не имел**. «Сейчас он (украинский сепаратизм) держится исключительно, благодаря утопической политике большевиков и тех стран, которые видят в нём средство для расчленения России», - делает вывод историк.

Им тщательно исследуются «корни украинского сепаратизма». Споры его Ульянов находит в запорожском казачестве, которое было **«порождено не южнорусской культурой, а стихией враждебной [ему], пребывавшей столетиями в состоянии войны с нею»**. Отнюдь не «степными рыцарями», как того кое-кому хотелось бы, но интернациональным сбродом, готовым за деньги идти в услужение к кому угодно, и уж тем более не «защитниками православия» предстают **«козаченьки» на страницах книги**. Свои постулаты Ульянов раскрывает «с исключительной последовательностью и доказательностью», спорить с ним трудно, ибо он «необыкновенно талантлив, проницателен, энциклопедически образован».

Не в «низах», а именно в среде казачьей верхушки зародился сепаратизм как стремление оградить свои личные интересы от притязаний более сильных соседей — Польского и Московского государства. Поляки взяли на себя роль акушерки при родах его и няньки при его воспитании, - говорит Ульянов. «Реестр», введённый ними, уже расколол казачество на «настоящих» казаков, желавших примазаться к этому неподатному сословию, и собственно народ. Тем более сильное расслоение произошло в этой среде позднее, когда осуществился «Захват Малороссии казаками» (название раздела монографии). Возникли так называемые «ранговые» (даваемые на период исполнения служебных обязанностей) «маетности», которые «можновладцы» пытались

правдами и неправдами оставить за собой, в полную «вечную» собственность. А для обработки «грунтов» (земельной собственности) всегда требовался «живой инвентарь», в том числе и двуногий. Тем и объясняется жесточайшее угнетение со стороны колонизаторов-казаков населения Малороссии. А безмерно разраставшееся количество «урядов», создававшихся казачьей администрацией, требовало всё новых земель для пожалований и, соответственно, «живого инвентаря» для их обработки.

«Москва, как известно, не горела особенным желанием присоединить к себе Украину. Она отказала в этом Киевскому митрополиту Иову Борецкому, отправившему в 1625 г. посольство в Москву, не спешила отвечать согласием и на слезные челобитья Хмельницкого, просившего неоднократно о подданстве», - напоминает историк. Сработал в итоге лишь один аргумент: воссоединение с единоверным православным народом. Воссоединение отнюдь не стало препятствием к получению Малороссией независимости и утверждению своей государственности: «не в соседях было дело, а в самой Украине. Там, попросту, не существовало в те дни идеи «незалежности», а была лишь идея перехода из одного подданства в другое», - констатирует исследователь. Казачья аристократия была увлечена заботами удержания крестьян под панями, любой ценой. «В том и есть узко эгоистическая сущность сепаратизма», - с сожалением говорит Ульянов: в годы, когда в ряде восточноевропейских стран складывалась государственность, внутренние распри и анархия, господствовавшие в Запорожской Сечи, помешали этому процессу. А захватившие Малороссию «казаченки» превратили ее как бы в огромное Запорожье, подчинив весь край своей дикой системе управления. «Отсюда частые перевороты, свержения гетманов, интриги, подкопы, борьба друг с другом многочисленных группировок, измены, предательства и невероятный политический хаос, царивший всю вторую половину XVII века».

На следующем историческом этапе, в XVIII веке, прекрасно осознавая, что Малороссия для Польши потеряна, графы Ян Потоцкий и Тадеуш Чацкий своих сочинениях «Историко-географические фрагменты о Скифии, Сарматии и славянах» и «О названии "Украина" и зарождении козачества», один - высказал мысль о том, что украинцы - совершенно особый народ, отличный от русского, а второй предложил уже целую теорию, согласно которой украинский народ вообще не имеет ничего общего со славянством: его предками, дескать, были кочевники из особой орды укров, пришедшей на территорию современной Украины из-за Волги в VII веке. Никаких достоверных данных ни один из них не привёл. Эти «идеи» сначала производили впечатление зёрен, брошенных на каменистую почву: после уравнивания прав малороссийской шляхты с российским дворянством сепаратизм её резко сошёл на нет. Образовавшееся единое политическое, экономическое и культурное развитие привело к процветанию и русских, и малороссов, то бишь «украинцев». В итоге «установились гармоничные отношения между этими народами, основанные на их этническом единстве, на общности исторических судеб, на принадлежности к единому пласту религиозной, языковой, бытовой, поведенческой и художественной культуры». Чего бы, казалось, ещё желать? Ан нет: в первой трети следующего, XIX века, возникает сочинение «История Русов», не мнимое (приписываемое архиепископу Белорусскому Георгию Конискому), но действительное авторство которой принадлежит отцу и сыну, Григорию и Василию Полетикам). Она вобрала в себя чуть ли не весь «фонд анекдотов, шуточек, легенд, антимосковских выдумок, которыми самостийничество пользуется по сей день».

Ложь, как видим, далеко не бесплодна: она оказалась способной оживить засохший, в

силу естественно-исторических причин, сорняк сепаратизма. Но сам по себе он не был жизнеспособен, и новое развитие получил, быв привит к дереву «революционно-демократического движения». Которое переросло просто в «революционное». И сам «ствол», и привитый к нему дичок украинского сепаратизма равно получали подпитку от немцев и австрийцев в канун Первой мировой, а «во время войны, они (украинские сепаратисты) сотрудничали с большевиками в пользу общего хозяина – германского генерального штаба». Тогда они были союзниками: «в листовке "Союза Вызволення Украины", выпущенной в 1914 г., в Константинополе, Парвус и Ленин превозносятся как "найкращи марксистські голови"». Уже тогда, как предполагает Ульянов, «Парвус был общим хозяином для тех и других, а в ходе войны он окончательно связал их через своё копенгагенское агентство».

Большевики, придя к власти, воистину по-царски вознаградили своих союзников, отдав им в удел, помимо Южной Руси, территории, собственно к Малороссии отношения никогда не имевшие. Галицийская идея «самостийности» была распространена на земли, исконно тяготевшие не к Западу, а к Востоку. «Вторая мировая война завершила здание соборной Украины. Галиция, Буковина, Карпатская Русь, неприсоединенные дотоле, оказались включенными в её состав, - пишет Ульянов. - Всё сделано путём сплошного насилия и интриг. Жителей огромных территорий даже не спрашивали об их желании или нежелании пребывать в соборной Украине... Ни простой народ, ни интеллигенция не были спрошены, на каком языке они желают учиться и писать. Он был предписан верховной властью. Интеллигенция, привыкшая говорить, писать и думать по-русски и вынужденная в короткий срок переучиваться и перейти на сколоченный наскоро новый язык, - испытала немало мучений. Тысячи людей лишились работы из-за неспособности усвоить "державну мову"».

Книга «Происхождение украинского сепаратизма», полувековой юбилей которой мы отмечаем ныне, и которая признана «главным» произведением в его жизни, отнюдь не отражает широты интеллектуальных интересов Ульянова. Эмоционально они простирались, во времени, от скифов (роман «Атосса») до «Сириуса» (роман о Первой мировой и последних годах императорской России). Обозначенное пространство было наполнено множеством, как уже упоминалось, произведений, «разбросанных» по страницам, в основном, парижских («Возрождение», «Русская мысль») и нью-йоркских («Новый Журнал», «Новое русское слово») изданий, и «собранных» в сборники «Диптих», «Свисток», «Спуск флага», «Скрипты», «Под каменным небом». Невероятно велико их жанровое разнообразие: от сугубо историко-документальных исследований до фантастики «чистой воды» - где мысль пишущего никак не ограничивается юдольным «правдоподобием» и прочими «реалиями бытия». Ульянову всегда было «тесно» даже в честно заявленных, сравнительно узких рамках того или иного тематического исследования: так, упомянутая фундаментальная работа «Происхождение украинского сепаратизма», будучи построенной на незыблемом основании фактических источников, и вся насквозь пропитанная высоко ценимым историками чувством документа, в то же время является и блестящим образцом политического памфлета.

Откуда это? Нам представляется - от утонченности, рафинированности, успешно

привитом своему ученику профессором С.Ф. Платоновым. Ведь вкус к истории – самый аристократический из всех вкусов, – так высказался некогда Жозеф Эрнест Ренан, философ и писатель, историк, член Французской академии «бессмертных». О чём был прекрасно осведомлён сам Н.И. Ульянов, поставивший данную максиму в качестве эпиграфа к одному из своих произведений.

.

Безумно даже предположить, что столь специфичное исследование – «Происхождение украинского сепаратизма» – столь умный и многознающий наблюдатель жизни планировал в качестве «главного» своего произведения. Скорее всего он видел, что называется, в упор культивируемое на Западе явление, об опасности которого хотел предупредить человечество в целом, и свою Родину в частности. Подобно Роберту Коху, открывшему бациллу сибирской язвы, холерный вибрион и туберкулёзную палочку, он входил в палату для заражённых, брал пробы и исследовал их в своей лаборатории, сопоставляя с материалами архивов, библиотек и иных древлехранилищ. Словно истый археолог, раскопал его древо до основания корней, показав истоки. Изучил все позднейшие наросты: нарощение «суто (сугубо) української церкви» с включением в число её «праздников» даже «шевченковских дней» (25 и 26 февраля по старому стилю) – «причислявшего поэта-атеиста, как бы, к лику святых угодников», и последующей украинизацией святцев, где греко-римские и библейские имена святых были заменены обыденными простонародными кличками: Тимош, Василь, Гнат, Наталка, Полинарка, Гапка, и так до «преподобной Хиври» включительно. Данный шедевр – «Молитовник для вжитку української проваславной людности» был издан в 1954 году в Маннгейме, отыскан и описан Н.И. Ульяновым.

.

Помимо развенчания всей, без исключения, фейковой «история казачества», низвержения кумиров, были ниспровергнуты все прочие постулаты, агрессивно насаждаемые «самостийниками», и обычно принимаемые невежественными их слушателями без доказательств – в первую очередь, о якобы имевших место «гонениях на украинский язык». В этом смысле Ульяновым тщательно изучены не только пресловутые указы 1863 1876 годов (об ограничении использования малороссийского языка, чем где ни попадя козыряют «самостийники»), но и дан анализ их исполнения (коего на практике и не было). Предоставлен широкий экскурс в историю, напротив, всемерной поддержки этого языка. Ведь первые книги на нём были отпечатаны в столичном Санкт-Петербурге, и их издание продолжалось вплоть до гибели Империи.

.

Сверх того Ульянов терпеливо разъясняет, что никакого «великорусского» языка никогда не существовало и в помине. Был русский – единый и родной для обеих ветвей славянского племени язык. Создававшийся на паритетных основах как великороссами, так и малороссами. Причём участие последних в этом деле было едва ли не большим, нежели первых: «в Москве работали киевские учёные монахи Епифаний Славинецкий, Арсений Сатановский и другие, которым был вручён жезл литературного правления», – пишет историк. Далее, проводя эту «линию», он отмечает: «чем дальше, тем больше юго-западные книжники принимают участие в формировании общерусского литературного языка – Дмитрий Ростовский, Стефан Яворский, Феофан Прокопович. При Петре наплыв малороссов мог навести на мысль об украинизации москалей, но никак не о русификации украинцев, на что часто жалуются самостийники».

.

По грамматике, написанной в 1619 году, «украинским» учёным Мелентием Смотрицким, свыше полутора столетий училось и малороссийское, и московское юношество, в том числе Григорий Сковорода и Михайло Ломоносов. Разве не означает ли это языкового единства? – вопрошает исследователь, и даёт безусловно положительный ответ, подкрепляя его высказываниями на эту тему, в частности, Костомарова и Кулиша – малороссов, тяжело переболевших в молодости созданием «намеренно сочинённого языка», впоследствии превратившегося в страх перед ним. Писано, конечно, было для думающих, но не для галицийского «Пьемонта», ибо посетивший подгорную Украину Драгоманов такую дал оценку его обитателям: «С вами, кажется, и сам Бог ничего не сделает, такие уж вам забиты гвозди в голову».

.

«Когда... в Киеве появились первые погибшие, [один хороший человек] написал [LiveJournal], что просто напился до беспамятства. Потому что ясно представил всё, что произойдёт со страной дальше», - поведал другой хороший человек в своём ЖЖ. Ульянов зримо представлял себе «всё это» за более чем 50 лет до воплощения в реальность. И не вина Роберта Коха в том, что где-то до сих пор наблюдаются вспышки сибирской язвы, холеры или туберкулёза. Сам-то он сделал всё что мог.

.
Блогер, названный нами «другим человеком», поместил тогда большую аналитическую статью, где трезво оценил перспективы страны победившего Майдана, сделав важнейшую оговорку: «И если вам вдруг показалось, что я написал это всё со злорадством, вы ошиблись. Когда я вижу, что творится на Украине, у меня сердце кровью обливается. Потому что я никогда не признаю ни эту страну, ни её жителей чужими для нас. Для меня украинцы - это русские, с которыми произошла катастрофа».

.
Именно с такими чувствами и писал свою главную книгу Н.И. Ульянов: с болью, с горечью, с обливающимся многою кровью сердцем.

[Юрий ПОГОДА \(Украина\)](#) - 09 октября 2016

<http://webkamerton.ru//2016/10/preduprezhdeniya-petropolskogo-tacita-kotorym-nikto-ne-vnyal>